

Luuk Gruwez

Original titles and publishers

Garderobe (De Arbeiderspers)
De eindelozen (De Arbeiderspers)
Bakermat (De Arbeiderspers)

Translation Dutch into Russian**Translator** Anastasiya Andreeva

© Luuk Gruwez/Anastasiya Andreeva/De Arbeiderspers/Flanders Literature – this text cannot be copied nor made public by means of (digital) print, copy, internet or in any other way without prior consent from the rights holders.

Монахи Сенанка

Они умирали здесь быстро и тихо,
без излишних предсмертных стенаний спешили прочь,
из могилы в могилу, став старше
на годы за годы желаний.

Как чудные влюбленные они жили на лоне природы,
отвыкнув от жажды земного богатства,
кротко, как то, чего больше не стоит бояться,
обретя навсегда здесь свой дом.

И мы, явившиеся из тех краев,
где безрассудно размножено слово,
знали, среди пыли и камней и тишины
еще хранится еле уловимый отзвук их шагов,

и, словно изгнанные безвозвратно,
учились молчанию у этих странных любовников.
И за годы желаний
мы становились на годы и годы старше.

СУРДИНА

И если больше нежности не существует,
нам стоит притвориться, будто нежность есть,
наглухо закрыв глаза и спеленав руки,
лежа бок о бок, как две пограничные зоны.

Тогда слову больше нельзя называться словом,
но наполнившим рот отрадным умолчанием.
Тогда вождение не больше свободы движения,
но дальше и шире, чем распахнувшийся вид

с летними птицами, Мендельсоном, сфумато
Да Винчи. Ты обменяешь свою лучшую жалость
на мою любимую грусть; я, бережно выжидая,
глубже узнаю, как увядает твое тело.

О, если нежность все же существует,
нам стоит бояться нежности,
как старой незажившей раны. Так много
нежности не вынесет никто.

ЧЕРЕЗ ГОДЫ

Ведь я не сочинил ни одного стиха,
способного твои укутать плечи,
согреть как шаль или объятия,
нет, моя речь тебя встречала скудно,
как будто тебя вовсе не ждала,

ведь я, на поводу тщеславия идя,
торжественную грусть щекастой малышни
и торг тщедушный девичьего тела
слагал по буквам, к блуду слов прибегнув,
готовый к расставанию сполна,

и ради трепета и сущностных страстей,
ради всего, что я, танцор бессильный, не
осилил, но если праздник был, то он
остался в нас, так в опустевшем к ночи
бальном зале еще звучит печальный вальс,

ради всего, что было, будешь ты со мной,
мы станем прошлым, но останемся собой.

ПАДШИМ СЕСТРАМ

Посетите шлюх на улице Сен-Дени.
Нимф в розовых ажурных панталонах,
с их ватным бюстом, помпонами груди.
Блудниц в нижнем белье игривом -
подвязки, пояса, бретельки.
И дамочек надменных полусвета
в шляпках с вуалью, в глянцевых
корсетах; многотрадальные
их *derrières*¹ по-прежнему
нежны, как детская присыпка.

Посетите шлюх на улице Сен-Дени.
Они витрины собственного тела
с засахаренной, праздничной вагиной.
Малышку Бланш в *Café du Coin*²?
Ее кошачий передок из шелка.

---

¹Задницы (фр.)

² Название кафе – «Кафе на углу» (фр.)

Она très délicate³ и très sincère⁴,
особенно когда речь о «rignon⁵».
Или Гертруду, продавщицу в обувном,
и у нее все комильфо и в сумке Сартр.
Ее так возбуждает «la Nausée»⁶,
что, изучив капризы diplômés⁷,
molières⁸ их чистит поцелуем.

Царит на улице распутство без прикрас.
Порой они похожи на стрекоз,
и распахнут по вашему сигналу
их фееричных бедер бонбоньерки.
Они как гардероб старых фантазий,
и, даже злясь порой, обслужат вас.
Наставницы, монашки, каторжанки,
под талией они потир таскают
в знак епитимьи на всю жизнь.

И кладбище вы посетите Пер-Лашез.
Они потом бок о бок там лежат,
Bourgeoise & Neige⁹, как никогда раздеты.
И вдруг почти стыдливы и почти чисты,
как сестры-близнецы под мрамором одним
в последнем, самом знаменитом из борделей.

ПОХОРОНЫ

Когда бы сам я хоронил отца,
укрыв его землей садовой, пусть он
в рубашке летней, с куревом своим
и флягой бренди в качестве обола.

Отец прекрасную имеет память,
и мертвый не забудет обо мне.
Ради всего, чем он хотел бы стать,
и чтоб бесследно не исчезнуть, велит

уход его подробно записать.
Я помню аромат его лосьона,
костюм, который больше ни к чему,
я помню голос, тяжесть чью едва ли

моя ранимость вынести могла.
Но только в землю станет опускаться,
как бы не трепетал я перед ним,
но я тогда скажу ему: «Не бойся».

---

³ Очень нежная (фр.)

⁴ Очень откровенная, искренняя (фр.)

⁵ Наличка (фр.)

⁶ «Тошнота» (фр.) – название романа Ж.-П. Сартра

⁷ Дипломированные специалисты (фр.)

⁸ Мужские туфли

⁹ Буржуазия и Снег (фр.), надпись на надгробии двух умерших молодыми проституток с улицы Сен-Дени, их псевдонимы.

ВМЕСТЕ

Ты умерла, чтоб время скоротать.
такой уход к лицу тебе настолько,
что, вещь став среди других вещей,
едва ли ты могла казаться мертвой.

Когда уже была ты далеко,
пришел один с молитвами, в сутане,
чтобы, пьянея от своих литаний,
тебе загробной жизнью докучать.

Но ничего нарушить не могло
в восторге молчаливом пребывания,
тебя оказывала честь своим
вниманием красавица и дура смерть.

И вот ты вместе с ним, как никогда
вы вместе, ты, подарившая мне жизнь. -
Единственную даму любит
впервые первый господин.

ТОЛСТЫЕ ЛЮДИ

I

Толстым людям все известно про любовь,
даже в укромных уголках их тела,
в катакомбах плоти.

Они мигранты в собственный живот,
о талии тоскующие вечно, -
лишь мысль о ней, и слюнка потечет.

Другие не умеют так грустить,
страдать с улыбкой, с выдвинутым пузом
и далью пальцев ног и пухлых поп.

Они, как на столе переизбыток:
всего лишь пустяковых сто кило,
к которым не притронется никто.

ТЕАТР

Девушка из гардероба
влюблена в пальто и куртки,
в которых прибыли большие дяди.

Без них их пустота при всем параде
и дорог аромат воротников,
она его так трепетно вдыхает,
мужское ощущая естество.

Сама она худое существо
с «конским хвостом», на тонких каблуках,
снует между одежных стоек,
с пустой орбиты не сходя:
по номерку, и каждый в свой черед.

Недавно здесь она живет.
Зимой окно лупцует дождь
в ее гостиной, меньше их уборной.
В чем жизни суть, едва поймет.
Она подушке дарит пыл любовный,
примерив в мыслях на себя
их пышущую жиром плоть.

Жизнь подытоживает шифоньер.
На вешалках наряды в ряд,
равны, как висельники меж собой,
она на вечер выбирает тело,
чтобы саму себя сыграть, как роль.
Но из всех платьев юбок блуз
больше всего к лицу ей нагота,
возвышенная, точно белый траур.
Должно быть, она именно такая,
и «конский хвост» порой ее стегает.

БАБУШКИНА ПАМЯТКА

Она на место убирает хлам:
рамка для фото, роговой очечник,
наряд венчальный из тридцатых, -
ее комиссия бытия,
однажды полная шедевров.

Лучший ее шедевр - это я,
маленький мавзолей для мамы,
которая зачем-то умерла.
Утраченное, нас связавшее
звено, бывшее плотью, пеплом, прахом.

Как видно, бабушка работает над тем,
чтобы жить дольше, упаковать все то,
что было. И наставляет ласково
цветы: здесь ваше место, требуйте
воды, когда меня не станет.

Лишь то, что бренно и беспомощно,
должно иметь дальнейшую судьбу, -
не вещи. Даже ее вставная челюсть,
что на ночь отправляется в стакан,

скоро окажется в гробу.

КУЗИНА

Как жаль, мир не подходит по размеру,
в отличие от пазлов из коробки,
всех ее плюшевых медведей, в меру
больших, чтоб перед ними не робеть.

Ей мало что известно про свой мозг.
Ее лицо, как полная луна,
созвездия сияют в голове,
забитой чепухой и тайным смехом.
Но мудро говорит: это не лечат,
и что лишь звери не боятся смерти.

Пластмассовые рыбки, Микки Маус
не могут умереть, только сломаться.
Она их учит вежливым словам,
во взрослом мире это пригодится.

Но вот вопрос, зачем носить одежду,
когда цветам в саду пансионата
можно всю жизнь раздетыми стоять?
Дурёха, не дождавшаяся принца,
исполнится ей скоро двадцать пять,
но вырастет и точно выйдет замуж,
только без платья, и только за меня.

МОЛЧУН

Меня на вечеринки нанимают.
Я сильно нашумел своим молчаньем,
которым призван развлекать.

Мне возмещают все сполна,
я обожаем, чтим, вкушаем
за каждый час безмолвья моего.
Бывает, что одна из дам погладит
прохладной лайковой перчаткой
безжалостно мое лицо.
Я остаюсь спокойным, как покойник.

Их рты - расстегнутой ширинкой.
Я их жаркое, их рулет с беконом,
их фрикаделька, червячок в их сыре,
начинка для скучающей души.
Я их прирученный любимый раб,
с дефектом, обращенным в дар.

А как стемнеет, мне пора на выход.

Я вымотан уже их смехом.
Мне нужно в ванной их с себя смывать.

Поскольку не хочу ни с кем в постель
и умолчу, что существую,
и даже в мыслях не обмолвлюсь,
как если б и во сне я в них смердел.
